

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Л. Н. Лопатин

Политические уроки рабочего
движения Кузбасса. К 20-тилетию
шахтерской забастовки

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lopatin_2010.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Политические уроки рабочего движения Кузбасса. К 20-летию шахтерской забастовки

Лопатин Л.Н.

К концу 80-х годов социалистическая система в целом созрела для радикального реформирования. Так называемая перестройка была попыткой урегулирования лишь видимых конфликтов в обществе без разрешения системных противоречий социализма. Требовались изменения в самом существе власти, в её взаимоотношениях с народом, в характере отношений собственности и присвоении результатов труда. Пробуждение гражданской активности народа стало не только необходимым, но и неизбежным явлением в общественной жизни страны. По мнению одного из новокузнецких лидеров рабочего движения Колесникова А.Ю., "забастовка была ожидаема, как ожидаем взрыв в шахте от постепенного накопления смеси угольной пыли и метана, ожидаема, как горный удар ...". [Лопатин 1998: 242]

Июльская 1989 г. забастовка шахтеров Кузбасса положила начало массовому общественному движению за коренное переустройство политической и экономической системы сначала в СССР, а затем в других социалистических странах. До неё протестное проявление было лишь в публицистике да в кратковременных вспышках отчаявшихся. Первоначально это была типичная экономическая стачка, но почти сразу же переросла в движение за права человека, столкнувшись, естественно, с жестким сопротивлением власти.

После Гражданской войны (1918-22 гг.) советская власть, опираясь на террористические методы, не допускала массовых проявлений недовольства. В конце 80-х гг. массовое рабочее движение стало возможным в связи с рядом объективных обстоятельств. Во-первых, в 60-80-е гг. произошло относительное ослабление карательных функций государственных органов. Во-вторых, в годы перестройки руководители КПСС допустили многообразие: экономическое (закон о предприятиях 1987 г.), политическое (альтернативные выборы депутатов СССР весной 1989 г.) и даже отчасти идеологическое («плюрализм мнений»). В результате была разрушена стройность тоталитарной системы как целостного организма, поставлены под сомнение основополагающие социалистические мифы, на которых покоилась официальная идеология. Люди остро ощутили отсутствие демократии. В-третьих, к концу 80-х гг. резко обострился дефицит на потребительские, продовольственные товары. Требования забастовщиков об увеличении нормы отпуска мыла с одного до двух кусков в месяц на шахтёра, колбасы на бутерброд – с 100 гр. до 150 гр. в день, стали наиболее показательными в определении глубины сложившегося кризиса.

То, что начало разрешения социального конфликта пришлось на Кузбасс, в известной степени, случайно. Но в то же время конфликт был вызван тем, что острота социальных проблем в этом регионе была одной из наиболее высоких в стране, так и тем, что здесь был сосредоточен один из самых многочисленных, образованных и организованных "по-солдатски" отрядов рабочего класса. Из-за специфики своего опасного труда шахтёры обладают склонностью к самодисциплине и коллективизму. Именно шахтёры во всём мире становились инициаторами рабочего движения (Германия, США, Англия, Румыния и др.).

В истории рабочего движения Кузбасса целесообразно выделять **три периода**: 1) 1989 - 1993 гг. - организованный, демократический; 2) с осени 1993 г. – кризис движения, активизация общественных сил антидемократической ориентации, отдельные вспышки борьбы за выплату зарплаты («рельсовые

войны» 1996-97 гг.); 3) 1998-2000-е гг. – полное отсутствие активности рабочих в борьбе за свои права.

Более изученным оказался первый, "романтический" период. В этом периоде можно выделить несколько этапов: февраль - апрель 1989 г.; июль 1989 г.; август 1989 г. - февраль 1990 г.; март 1990 г. - август 1991 г.; после августа 1991 г.

Для *первого этапа (февраль - апрель 1989 г.)* характерны стихийные вспышки протеста рабочих на не менее 20 предприятиях Кузбасса (по всей стране их насчитывались сотни). Для них характерно: выдвижение однотипных требований по изменению условий труда и быта; направленность протеста исключительно против администрации своего предприятия; малочисленность протестующих, представляющих лишь небольшую часть коллектива предприятия; стремление рабочих провести акцию протеста в труднодоступных для карательных подразделений местах; кратковременность акций (несколько часов); исключительная доверчивость протестующих к начальствующим лицам, обещавших оперативно удовлетворить их требования. Протесты более всего походили на акты отчаяния, чем на движение. Но это были первые коллективные действия протеста взамен традиционных жалоб в вышестоящие органы.

Второй этап (июль 1989 г.) – всекузбасская шахтёрская забастовка как стихийный взрыв, массовая экономическая стачка. Можно выделить характерные черты этой забастовки. Стихийность её возникновения. Стремительность разрастания. В считанные часы забастовка шахтёров одной шахты (им. Шевякова) охватила все угольные предприятия Междуреченска, через день – юг Кузбасса, а ещё через два-три дня - весь Кузбасс. Обнаружив, что против шахтеров Кузбасса власть не применила силу, забастовали Донбасс, Воркута, Караганда. Для забастовки характерны исключительно мирные методы с обеих сторон. Бескомпромиссность "площадей несогласия" при сохранении веры шахтёров в хороших руководителей (особенно столичных). Подчеркнутое стремление забастовщиков дистанцироваться от политических выступлений и требований, демонстрация лояльности к властным структурам, вера в курс перестройки. Доминирование экономических требований, затрагивающих интересы не столько шахтеров, сколько всех кузбассовцев. Всенародная поддержка бунтующих шахтёров. Стремление шахтеров не допустить распространения стачки на другие отрасли промышленности, особенно на предприятия социальной сферы. Активное и свободное участие журналистов областного телевидения в освещении забастовки (что явилось фактором популяризации забастовки, консолидации забастовщиков). Исключительно быстрая самоорганизация забастовщиков.

Происходила быстрая и постоянная ротация членов шахтовых и городских забастовочных комитетов при сохранении в их составе удельного веса рабочих (около 80%), коммунистов (более трети), имеющих высшее или среднеспециальное образование (городские - почти 50%), среднего возраста (37 лет), многие из которых занимали руководящие должности (от горного мастера до главного инженера шахты). Наблюдались растерянность и зачастую полный паралич городских властей и администраций многих шахт и временное невыполнение ими управленческих функций. Профсоюзы показали абсолютную неспособность встать на защиту наёмных работников. Они проявили полное позиционирование не с забастовщиками, а с администрациями предприятий. Власть имущие избрали тактику широкомасштабных и часто экономически несостоятельных обещаний забастовщикам. [Рабочее движение 1993: 68-75]

Третий этап (август 1989 г. - февраль 1990 г.) характеризовался борьбой шахтёров за выполнение правительством СССР принятых на себя обязательств по решению вопросов труда и быта кузбассовцев (точно так же, как и донбассовцев, воркутинцев, карагандинцев и др.). Для контроля за выполнением

этих обязательств шахтёры переименовали свои забастовочные комитеты в рабочие комитеты и добились их оформления в качестве юридического лица. После роспуска в 1921-22 гг. всех общественных формирований неподконтрольных коммунистической партии, легимитизация рабочих комитетов стала в этом роде первым прорывом в тоталитарной политической системе СССР.

Вначале деятельность рабочих комитетов, в основном, не выходила за стандартные рамки борьбы за лучшие условия продажи рабочей силы. Но уже через месяц (в сентябре – ноябре 1989 г.) лидеры рабочих комитетов попытались создать общественно-политическую организацию "Союз трудящихся Кузбасса". Впервые за всю историю советской власти была нарушена монополия компартии на общественную деятельность. Это было отражением потребности общества в структуре движущего типа, попыткой создания своей партии с целью установления контроля граждан за политикой государства, способом формирования политической воли народа. Впервые в истории СССР была нарушена и монополия компартии на печать. Сначала явочным порядком (с декабря 1989 г.), а затем легитимным путем (с февраля 1990 г.) в Кузбассе стала выходить массовая газета, оппозиционная КПСС («Наша газета»).

Не претендуя на исполнение властных функций, рабочие комитеты оперативно решали вопросы, начиная от защиты интересов отдельного человека до поставок технологического оборудования в регион или на отдельное предприятие, снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, развития инфраструктуры городов и т.д.

Взаимоотношения рабочих комитетов с властными структурами и администрациями предприятий на этом этапе были мирными и нередко конструктивными. Тактика давления "снизу" вполне удавалась. Угроза новой забастовки делала номенклатурных работников из всех эшелонов власти и хозяйственных структур готовыми к диалогу. Их тактику по отношению к рабочим комитетам можно определить, пожалуй, в двух видах: 1) сотрудничество - борьба, 2) сотрудничество - "сквозь зубы". Но в целом для руководящих работников было характерно либо скрытое, либо явное неуважение к партнёру.

События того времени прекрасно подтверждали жизненность правила западных профсоюзов - забастовки укрепляют социальный мир и покой в обществе. Но власть вела активную работу по целенаправленной дискредитации лидеров рабочих комитетов (подкуп, клевета и др.). В начале 1990 г. по сети партийного просвещения пропагандировался листок-досье подготовленный, видимо, в недрах КГБ об имевших место правонарушениях в личной судьбе членов рабочих комитетов. Выступая перед преподавателями-обществоведами г. Кемерово, инструктор ЦК Кудрявцев В.И. давал им прямые указания на распространение компрометирующих материалов на лидеров рабочих комитетов. Такая настойчивость власти по дискредитации рабочих лидеров не могла не приносить свои плоды. Тем более, что те не могли добиться быстрого (как всеми ожидалось) улучшения жизни народа. Авторитет рабочих комитетов в народе стал падать к лету 1990 г.

Как показали исследования, противоречия между интересами власти (как работодателя) и интересами основной массы россиян (как наемных работников) на том этапе (осень-зима 1989-90 гг.) имели шанс развиваться в традиционных рамках экономической, профсоюзной борьбы. Но не развились. Невыполнение руководством страны взятых на себя в ходе июльской забастовки обязательств, было расценено рабочими комитетами как обман народа. Постепенно лидеры рабочего движения вызревали до понимания того, что сколько-нибудь серьезные изменения в положении трудящихся невозможны без радикальной реорганизации политической системы (пока в рамках социализма). Власть имущие проявили

недальновидное упрямство в сохранении отживших государственных и общественных институтов. Они открыто продемонстрировали нежелание прислушиваться к народу, интересы которого (применительно к Кузбассу) вполне отражали рабочие комитеты.

Позиция советского менеджмента, традиционно сводившаяся к обману, вынудила рабочие комитеты отказаться от сотрудничества с властью. Диалог был утрачен. По мнению политологов, такой диалог является основным механизмом, связывающим государство с обществом. Советский истеблишмент, таким образом, в то время упустил реальный шанс по формированию определяющей черты открытого гражданского общества.

Переломным моментом в переходе рабочих комитетов к политической борьбе стали переговоры с правительственной комиссией по выполнению требований июльской забастовки 1989 г., состоявшиеся в январе - феврале 1990 г. в Прокопьевске - Кемерово - Москве. В ходе переговоров рабочие комитеты предложили «Соглашение». В этом документе лидеры рабочего движения Кузбасса и их научные консультанты очень точно вышли на стратегию реформ - формирование рыночных отношений. Кузбасс предлагался в качестве испытательного полигона. [Рабочее движение 1993: 224-226, 232-236]

У лидеров рабочего движения Кузбасса признание частной собственности произошло эмпирическим путем, как социальная догадка в январе 1990 г. [Шаблинский 1995: 252] Общественная же "реабилитация" частной собственности на общероссийском уровне произошла лишь к концу 1990 г., когда была опубликована программа «500 дней». Реализация же состоится лишь через два года – с января 1992 г. («гайдаровские реформы»).

Как показали исследования Л.А.Гордона, В.В.Комаровского, П.В.Бизюкова, Миловидова Ю.Н., И.Г.Шаблинского и др., [Гордон 1993, Комаровский 1993, Бизюков 1995] проведенные в различных регионах СССР, в то время не хватило небольшого толчка, чтобы коммунистическое руководство страны перешло от пустого декларирования необходимости реформ к реальному их проведению. Такой толчок могли дать кузбасские чиновники и интеллигенция в союзе с рабочими комитетами. Но не дали. Шанс превращения рыночных идей в практику был упущен. Это был последний шанс. Дальше начался ускоренный распад КПСС (стержневой структуры жесткой власти, как одного из главных факторов успешности реформ). Лидеры рабочего движения сумели сформировать концепцию радикальных реформ в СССР, но не смогли создать механизма их реализации.

Четвёртый этап в истории рабочего движения (*март 1990 г. - август 1991 г.*) начался после отказа в феврале 1990 г. руководства страны принять предложение рабочих комитетов о радикальной экономической реформе на основе рыночной экономики. На этом этапе произошёл отказ шахтёров от социализма, что стало частью массового сознания сначала в Кузбассе, а затем в других регионах страны. Это было время переход рабочего движения к активной целенаправленной борьбы за переустройство всей политической и экономической системы СССР. Борьба рабочих комитетов стала носить ярко выраженный антикоммунистический характер. Основная масса шахтёров поддержала своих лидеров в требованиях отмены статьи шестой Конституции СССР, в которой говорилось о конституционном праве КПСС монопольно управлять страной. В ответ на информационную войну, попытки силового давления и хронический обман со стороны властей, газета рабочего движения ("Наша газета") ввела постоянную рубрику "Материалы, порочащие КПСС". Из компартии вышли все активисты рабочего движения демократической ориентации.

Ареной политического противостояния стали в основном сессии Советов

народных депутатов. На мартовских 1990 г. выборах в республиканские и местные советы народных депутатов, впервые в СССР проходившие в обстановке относительной свободы, кандидаты от рабочих комитетов победили (за исключением трёх случаев). И хотя фракции рабочих комитетов в Советах были малочисленными (в основном в пределах 15% от общего состава), им удалось эффективно противостоять антидемократическому большинству. [Лопатин 1995: 145-154]

Но социальная база рабочего движения постепенно сужалась как в количественном, так (особенно) и в качественном отношении. В борьбе за лучшие условия продажи рабочей силы шахтёры не смогли пробиться через гражданскую индифферентность своих земляков. Они оставались по-прежнему одни. Слабые зачатки структур рабочего движения демократической ориентации на отдельных предприятиях металлургии, легкой промышленности, химии и др. исчезли. Почти никак себя не проявляли даже рабочие формирования, созданные при участии коммунистической партии (Объединенный фронт трудящихся, например). Интеллигенция Кузбасса, которая весной 1989 г. проявила очень хорошую активность на выборах в Верховный Совет СССР, в рабочее движение не вошла (кроме журналистов). Её ленивая оппозиционность политическому режиму не вышла за рамки обывательской критики ради критики. Рабочее движение и либеральная интеллигенция не смогли найти дорогу друг к другу.

Сужение социальной базы стало одной из основных причин снижения роли рабочих комитетов в общественной жизни Кузбасса. В ряде городов Кузбасса городские рабочие комитеты были распущены. Ещё более разрушительными для рабочего движения были аналогичные процессы в Донбассе, Воркуте, Караганде.

Заявив о невозможности добиться существенного улучшения условий труда и быта при существующем политическом режиме, рабочие комитеты почти полностью отказались от экономической борьбы, что стало одной из основных причин разрыва их с трудовыми коллективами. Нигде в мире рабочий человек не бывает продвинут в политике. Он сосредоточен на борьбе за экономические реформы. Политика - это дело интеллигенции. Но поскольку интеллигенция молчала, постольку рабочему движению пришлось выполнять несвойственную ему функцию.

Сделав акцент на политической борьбе, лидеры рабочих комитетов (не только Кузбасса) структурировали свободное профсоюзное движение. Ими был создан сначала Независимый профсоюз горняков СССР (позднее - Кузбасса), а затем профсоюзы в некоторых других отраслях. Совет рабочих комитетов Кузбасса как сильнейший и наиболее авторитетный центр рабочего движения был преобразован в межотраслевой координационный орган свободных профсоюзов - Конфедерацию труда Кузбасса (в 1996 г. вернулись к прежнему названию). Однако среди лидеров профсоюзная работа не считалась важным участком рабочего движения. И поэтому многое было пущено на самотек. Численность свободных профсоюзов не росла. Авторитетность, популярность и сила их были невысоки.

Пятый этап рабочего движения Кузбасса первого «романтического» периода приходится на *август 1991-конец 1993 гг.* Определяющими его чертами стали, во-первых, поддержка реформаторов, во-вторых, начало кризиса движения. Изучение документов показало, что приход к власти демократов после провала августовского путча 1991 г., как, казалось бы, ни странно, осложнил деятельность рабочих комитетов. В лице тоталитарного государства был утрачен главный объект их борьбы. Новая власть установилась с их собственной подачи. Демократические силы России, где рабочие комитеты Кузбасса играли весьма важную роль, для новой власти выступили как бы в лице работодателя. Есте-

ственно, что содержание борьбы рабочих комитетов должно было измениться.

На этом этапе рабочие комитеты пытались оказать влияние на формирование структур исполнительной власти. Но безуспешно. Главами администраций городов утверждались бывшие номенклатурные работники, которые формировали аппараты управлений из своей среды. И это несмотря на то, что президент Б.Н.Ельцин назначил главой областной администрации и своего представителя в Кузбассе активистов рабочего движения – М.Б.Кислюка и А.В. Малыхина. В органах исполнительной власти на весь 3-х миллионный Кузбасс оказались только 6 чел., ранее участвовавших в демократическом движении: 2 чел. - в Кемерово, 2 - в Киселёвске, 1 - Ленинске-Кузнецком, 1 - в Прокопьевске. Подобная картина наблюдалась по всем периферийным регионам России.

После падения социализма резко активизировались советские профсоюзы, которые, изменив название на "независимые профсоюзы" (ФНПР), перехватили эстафету забастовок и направили их против реформаторов. Постепенно ФНПР развивался, особенно профсоюз угольщиков, в руководстве которого оказались и некоторые бывшие лидеры шахтерского движения. К 1996 г. по влиянию на шахтёров этот профсоюз превзошёл "революционный" Независимый профсоюз горняков (НПГ). И уже не существовало принципиальных различий между этими двумя профсоюзами горняков (кроме личных взаимоотношений их руководства). НПГ «потерялся».

До конца 1993 г. рабочие комитеты и НПГ Кузбасса оказывали безусловную и безоговорочную поддержку исполнительной власти (как в целом России, так и Кузбасса, в частности). Тем более, что во главе исполнительной власти Кузбасса стояли два активиста рабочего движения, которые постепенно переродились в стандартных советских чиновников. В наиболее критических для российской демократии ситуациях шахтёры выезжали в Москву, чтобы продемонстрировать левой оппозиции силу поддержки рабочего класса Кузбасса. Новые профсоюзы (НПГ, например) оказались в сложнейшем положении. Они не могли отказать в поддержке правительству реформ, но в то же время, чтобы не оторваться от рабочих, должны были бороться с ним. Что допустимо политической партии, непозволительно профсоюзу. Их кризис стал неизбежным.

В годы реформ сложилась тяжелая ситуация в материальном благосостоянии граждан. В связи тактикой поддержки демократами правительства Ельцина в общественном сознании постепенно сложилось мнение о них как безоговорочных союзниках власти. А значит – противников народа. Поскольку эта поддержка длилась не один год, постольку дистанция между лидерами движения и рядовыми участниками движения увеличивалась. Совпадение лидеров с социальной базой всё больше и больше отходило в прошлое.

В постсоциалистическое время лидеры демократического движения не только Кузбасса, но и всей России не смогли определить правильную линию по отношению к структурам власти. Сделать это было невероятно сложно, так как мотивация общественной активности основной массы населения и их лидеров стали различными. Рабочие объективно должны были стать в оппозицию к реформаторам, так как реформирование страны принесло не только наполненные прилавки, но и безработицу, невыплату зарплаты, инфляцию и пр. Лидеры, как интеллектуально продвинутые и опытные борцы, выступали за продолжение реформ, в которых они видели гарантию возвращения России к цивилизационному мировому опыту, утраченному в 1917 г. В связи с этим их стали воспринимать как "партию власти". "Генералы, - по выражению Л.А.Гордона, - оказались без армии".

Общественного диалога с властью не состоялось даже в "революционном" Кузбассе. Как и в советские годы здесь сохранилась лишь одноканальная связь во

взаимодействии с народом - сверху вниз. Канал влияния снизу на областные и городские органы, имевшийся с июля 1989 г., был полностью утрачен. Бывшие номенклатурные партийно-советские работники, вновь утвердившиеся у власти, открыто игнорировали рабочие комитеты.

Поддерживая политику президента Б.Н.Ельцина о роспуске осенью 1993 г. Советов народных депутатов как неэффективных органов представительной власти, лидеры рабочего движения сложили с себя депутатские полномочия. А на выборах декабря 1993 г. они либо не баллотировались, либо проиграли. Был утрачен последний канал влияния на власть, последний канал, связывающий их с народом. Этим завершился первый период («романтический») в истории рабочего движения Кузбасса.

С конца 1993 г. начался **второй период** рабочего движения Кузбасса, продолжавшийся до второй половины 1997 г. Он характеризовался кризисом демократического движения России. Забастовки, голодовки, пикеты протеста против реформ и их последствий стали обыденным явлением.

Видимо, по закону маятника в наибольшей степени кризис проявился в Кузбассе, как регионе с наивысшей некогда общественной активностью. Демократы Кузбасса утратили лидирующие позиции в общественном движении. Хотя число партий, движений, общественных фондов демократической ориентации и составляло внушительную цифру (более 100 наименований), но влияние их на общество было незначительным. Ни на одних выборах (декабрь 1993 г., декабрь 1995 г., июль 1996 г., июль 1997 г. и др.) демократам не удалось добиться даже минимальных успехов. Побеждали люди из общественных формирований коммунистической направленности. Руководство областной администрации после роспуска Советов народных депутатов (осень 1993 г.) фактически прекратило сотрудничество с демократами. Администрации шахт перестали выделять средства на функционирование городских и областного рабочих комитетов. Штабы рабочих комитетов (кроме Новокузнецка и Прокопьевска) выселены из административных зданий.

Как показали исследования, наблюдался постепенный выход "госпрофсоюзов" из кризиса недоверия к ним со стороны трудящихся. Руководству ФГПР удалось в известной степени преодолеть "наследие ВЦСПС", организовав перманентную борьбу сначала "госбюджетников", потом и шахтёров против областной администрации, правительства и президента РФ.

Борьба достигла особенно высокой степени накала в связи с массовыми невыплатами заработной платы (с 1994 г.). Адресность претензий "госбюджетников" к правительству оправдана: правительство - их работодатель. Но источник невыплат производственникам тогда находился в основном на самих предприятиях. Невыплаты были результатом неэффективного хозяйствования руководителей предприятий, не знавших законов менеджмента, не умевших управлять в условиях рыночной экономики, увлечённых личным обогащением, пытавшихся "обхитрить экономику".

Профсоюзы могли бы сказать в этом вопросе своё далеко не последнее слово. Парадокс ситуации состоял в том, что, несмотря на высокий забастовочный накал, борьба за лучшие условия продажи рабочей силы отсутствовала. За что же боролись? Лидеры ФШР были озабочены в основном политическими целями. Во всех их протестных мероприятиях не только присутствовал, но и доминировал подтекст реставрации социализма. Это совпадало с ностальгическими настроениями россиян, повсеместно принявших утверждать, что «раньше, при социализме, мы жили лучше». В этом периоде профсоюзные лидеры организовывали шахтерские и иные забастовки совместно с директорами предприятий (тем нужны были государственные дотации). То есть, и

работодатель, и наемный работник оказались в одном отряде «профсоюзного» движения. Рабочие комитеты в таких акциях не участвовали, понимая их разрушительную для реформ направленность.

Бросив все силы на политическое противостояние государству, бывшие "госпрофсоюзы" были в целом не очень озабочены защитой интересов трудящихся на каждом предприятии в отдельности, где, собственно, и должен находиться центр борьбы за права рабочего. Объясняется это, видимо, двумя обстоятельствами. 1. Природа забастовок по-прежнему осталась политической. Забастовщики требовали от правительства, чтобы путем перераспределения общественного богатства обеспечивались потребности тех, кто занят в общественном секторе даже за счет изъятия средств у кого-то другого. 2. Стремление ограничиться требованиями только к правительству или администрации области объясняется не столько неопытностью профсоюзных лидеров, сколько, вероятно, их опасениями натолкнуться на физическую расправу и перманентный дискомфорт собственного положения на предприятии из-за притеснений «начальства». Профсоюзному работнику на предприятии гораздо было выгоднее и безопаснее выполнять роль заведующего «социального отдела» администрации, чем нести миссию противостояния с целью защиты прав наёмного работника. Это - не кузбасский феномен, он – общероссийский, и даже - мировой. Так было и в других постсоциалистических странах, что отмечает югославский исследователь С.Стойнович. [Стойнович 1996: 5-54]

В этом периоде (1993-1997 гг.) произошло возвращение рабочего движения к стихийности. Чувствуя, что как "свободные", так и "традиционные" профсоюзы их не защищают, рабочие стали сами стихийно организовывать голодовки, забастовки, перекрытия транспортных магистралей (железных и шоссейных дорог), захватывать в заложники чиновников и представителей администраций предприятий, угрожать самосожжением и др. Постепенно сменялись лидеры рабочего движения Кузбасса.

С лета 1997 г. начался **третий период** в истории рабочего движения Кузбасса. Его и движением-то назвать трудно. Поскольку все протесты полностью прекратились. И течение последующих десяти лет они вообще не наблюдались. Связано это, в основном, с приходом на губернаторскую должность А.Г.Тулеева. Человек исключительной популярности у избирателей Кузбасса, он по праву мог считаться (до осени 1999 г.) самым талантливым защитником коммунизма России. Опираясь на эту популярность (за него голосовали более 90% пришедших на выборы), он сумел установить «вертикаль власти» ещё в 1997-98 гг. Во-первых, жестко подчинил губернаторской власти всех мэров городов и районов, которым продемонстрировал свои личные возможности морального воздействия на избирателей во время местных выборов. Во-вторых, сумел повлиять на СМИ таким образом, что журналисты (за редким исключением) не осмеливались публиковать оппозиционные губернатору материалы. В-третьих, «убедил» местную бизнесэлиту и руководителей профсоюзов в необходимости полного сотрудничества с властью. То, что в России станет обыденностью, связанной с «вертикалью власти» только ко второй половине 2000-х гг., в Кузбассе будет реализовано ещё в конце 90-х гг.

Воспитанные в этатизме бывшие советские люди охотно выбирали путь «поиска правды» не в протестных формах (забастовки, голодовки), а в жалобах и обращениях к правильной, с их точки зрения, губернаторской власти. К тому же к этому времени начала изменяться экономическая ситуация в Кузбассе. Рыночные реформы, начатые прежним губернатором М.Б.Кислюком, стали давать вполне ощутимые плоды. Так, в результате реструктуризации изменилось лицо угольной промышленности Кузбасса. Закрылись опасные шахты с ручным трудом,

открылись новые технологичные угольные предприятия. [Малышев, Зайденварг 1996] Стабилизировалась зарплата шахтеров. Дефолт 1998 г. резко увеличил доходы Кузбасса от экспорта угля и металлов. На социальную сферу стало можно тратить гораздо больше средств. Острота социального конфликта середины 90-х годов уходила в прошлое.

Бывшие лидеры рабочего движения 1989-1993 гг. полностью исчезли с политической и профсоюзной арены Кузбасса. Последним проявлением их общественной значимости была выборная компания в Государственную Думу 1999 г. В марте 1999 г. демократы Кузбасса, костяк которых состоял из участников рабочего движения, провели 3-ю конференцию, на которой образовали движение «Правое дело», поставив во главе научного консультанта Совета рабочих комитетов (1990-1992 гг.). Он же возглавил и избирательный штаб движения «Союза правых сил» (СПС), переименованного из «Правого дела». Профессиональная организация избирательной компании (по американской технологии) дала высокие результаты: в Новокузнецке за СПС проголосовали 13%, в Кемерово – 11%, в целом по Кузбассу – 7,9%.

Можно ли найти обстоятельства, объясняющие такую «кривую» в развитии рабочего движения – от фактического нуля в 1988 г. – к апогею 1989 г. – до нуля в 1998 г.? Таких обстоятельств как объективного, так и субъективного характера несколько.

Конец 1980-х – начала 90-х были годами, когда люди были едины в протесте против пустых прилавков, низкого уровня жизни, засилья номенклатуры, ограничения свободы. По уже тогда наступало время определения “за!”: одни — за демократию и рынок; другие — за демократию, но без рынка; третьи — за рынок, но без демократии; четвертые — ни рынка, ни демократии. Дифференциация по взглядам развела людей. Процесс естественный.

Основной единства демократов того времени был антикоммунизм. Однако считать антикоммунизм идеологией шахтёрского движения было бы преувеличением. Четкого оформления идейных взглядов не произошло. “Антикоммунизм” основной массы людей был лишь отрицанием низкого уровня жизни. Лидеры же шахтерского движения менее чем за полгода вызрели до убежденных антикоммунистов. После путча августа 1991 г. идейный антикоммунизм лидеров вылился в конструктивную поддержку реформаторов, а обыденный антикоммунизм рядовых шахтёров постепенно превратился в движение против реформ.

Для соединения идейного антикоммунизма со стихийным антикоммунистическим протестом собственных сил у лидеров рабочих комитетов не хватило. Это могла сделать только интеллигенция. Но интеллигенция страны предпочла не принимать активного участия в борьбе за демократию. Интеллигенция не приняла участия в выработке нового политического сознания и внесения его в массы.

Интеллигенция сама оставалась в 1990-2000-е гг., в основном, на догматическо-коммунистических или обыденных (но не научных) позициях. Без её участия в движении за гражданское общество долгое время будут сохраняться примитивные представления о демократии (как будто бы вседозволенности) и наивная фетишизация экономики, как самодостаточного элемента в реформировании страны.

Демократическое движение в угольных регионах (а в значительной части и всей страны) формировалось на базе рабочих комитетов. Но, как показывает мировой опыт, рабочие не бывают продвинуты в политике. Рабочее движение всегда трансформируется в профсоюзном направлении. Лидеры рабочего движения были вынуждены выполнять несвойственные им функции политических

деятелей. Логика политической борьбы неизбежно привела рабочих лидеров к “перескоку” через социал-демократию к неолиберализму. Связав свою деятельность с либералами, лидеры рабочих комитетов стали естественно непопулярными у советских людей, сознание которых более восприимчиво к социал-демократии. И они должны были сойти с политической арены.

Лидеры рабочих комитетов и НПГ не сумели организовать эффективную защиту интересов людей труда в условиях приватизации предприятий и реструктуризации угольной промышленности. Хронические многомесечные невыплаты заработной платы были обывателем поставлены в вину в том числе и рабочим комитетам.

Огромной и уже непоправимой ошибкой реформаторов России было отсутствие у них антикоммунистической пропаганды. Демократы игнорировали необходимость популяризации в народе разрушительной роли коммунистов в истории России XX в. Поэтому вина за тяжесть либеральных реформ незаслуженно легла на них самих.

Проводя реформы, либералы игнорировали не только необходимость антикоммунистической пропаганды, но и пропаганды позитивных процессов в обществе, проявлявшихся в годы реформ. Считается, например, что либеральные реформы привели только к тотальному ухудшению благосостояния людей. Однако уже к середине 90-х гг. для россиян стали стандартными предметами быта, ранее недоступные им вещи: цветной телевизор, видеомагнитофон, персональный компьютер, меха, обувь, ковры и даже автомобиль. Наличие упаднических настроений в годы реформ, при наличии заметных сдвигов не только в отрицательную, но и в положительную сторону — это и результат скептицизма реформаторов по формированию общественного сознания, их беспомощности в пропагандистской и просветительской работе.

Любая резкая смена общественного порядка всегда сопровождается серьёзным общественным кризисом. Радикальная ломка устоявшихся социально-экономических и культурных структур всегда вызывает массовую невротическую реакцию. Этот невроз обычно проявляется в самодеструкции, социальном аутизме, социальном мазохизме, регрессе. У одних — активизировалась деструктивная энергия, произошло озлобление, усилился аморализм. Другие — стали защищаться иллюзиями (феномен “мыльных телесериалов”). Третьи — замкнулись и отошли от активной общественной деятельности. Четвертые — впали в апатию и т.д. Это процесс объективный, но не учтённый реформаторами.

Революционный прорыв “снизу” к открытому гражданскому обществу был подавлен. Это стало результатом влияния коммунистической номенклатуры, пассивности интеллигенции, поступков тех, кто, либо по глупости, либо ради личного комфорта молчал или прямо предавал интересы сограждан, имея личный, или партийный (коммунистический) интерес. Шахтёры “поднявшиеся с колен” в 1989 — 1991 гг., усилиями тех, кто боролся с рабочими комитетами, кто пассивно наблюдал за этой борьбой, вновь оказались на коленях перед работодателем, перед государством.

В результате 20-летней истории (1989-2009 гг.) произошло возвращение российского общества к ущербному опыту СССР, когда “вожди думали за нас”. Парламентские и президентские выборы (1999, 2000, 2003, 2004, 2007, 2008 гг.) показали, что россияне согласились с ролью пассивного наблюдателя, потребителя, но никак не деятеля. Они нашли себе «вождя» общероссийского и ищут региональных (в Кузбассе, например, он уже найден).

Интересно, что российские политологи пока не отважились дать оценку этим действиям народа как вполне безответственным и легкомысленным. Видимо, над учеными довлеет марксистский постулат “народ всегда прав”. Этот постулат

можно принять. Но принять лишь как признание того, что в советском тоталитаризме своя доля вины у каждого гражданина СССР: у генерального секретаря - своя, у шахтера и кинорежиссера – своя. За эту вину необходимо гражданское покаяние. Его смысл заключается: а) в признании порочности тоталитарной социалистической системы: б) определении и признании (не обязательно публичном) доли личной вины за такой социализм: в) недопущении подобного ни для себя, ни для общества в целом. Шахтёры когда-то сразу взялись за пункт «в» (разрушение и недопущение коммунизма, становление демократии), но потеряли темп, «сошли с дистанции» и стали «как все».

Не случайно, все мировые религии предусматривают обряд покаяния. Считается необходимым, чтобы человек искренне осознал и признался в своей личной вине за состоявшееся негативное действие. Это признание становится его первым шагом к исправлению собственной ошибки и как бы гарантирует от её повторения. Через покаяние индивидуума идет очищение всего общества. Без глубокого осознания собственной вины за прошлое, нет ответственности за настоящее, нет перспективы в реформировании общества, которое в советское время при активном (или пассивном) участии каждого из её членов подверглось глубокой деградации.

Однако этого осознания в российском обществе (как и украинском, белорусском и др.) не наблюдается. Тем самым минимизируется быстрая перспектива либерализации России и всех бывших советских республик (за исключением стран Балтии).

Бизюков П.В. Подземная шахтерская забастовка. Бюллетень Российско-Американского Фонда профсоюзного развития и обучения. Февраль 1995.

Гордон Л.А., Клопов Э.В., Лопатин Л.Н. Рабочее движение в начале постсоциалистического развития – вводный очерк. // Рабочее движение Кузбасса. Кемерово, 1993.

Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтёры - 92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М., 1993;

Гордон Л. Профсоюзы. Надежда или угроза. М., 1995;

Гордон Л.А. Положение наёмных работников в России 90-х годов. Социально-трудовые исследования. Вып.7., ИМЭМО РАН. М., 1997;

Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса 1989-1991 гг. Кемерово, 1995.

Лопатин Л.Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., 1998.

Малышев Ю.Н., Зайденварг В.Е., Зыков В.М., Краснянский Г.Л., Саламатин А.Г., Шафранник Ю.К., Яновский А.Б. Реструктуризация угольной промышленности (теория, опыт, программы, прогноз). М., 1996. – 536 с.

Миловидов Ю.Н. Рабочее и профсоюзное движение в современной России: перспективы, ожидания/Информационно-аналитический бюллетень «Новое рабочее движение». М.- Центр политических исследований – 1992, №5.

Миловидов Ю.Н., Шулус А.А. Профсоюзное движение в современной России/Труд и социальные отношения. – Научно-информационный журнал АТ и СО. – 1993. Специальный выпуск.

Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы (составитель Лопатин Л.Н., сбор документов и их обработку вели: Галкин Н.В., Заболоцкая К.А., Копытов А.И., Куделин А.А., Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л., Макурина Г.А., Сергиенко В.А.). Кемерово, 1993.

Стоянович С. Посткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом. Полис. – 1996. - № 1.

Шаблинский И.Г. Рабочее движение и российская реформа. Документально-аналитический очерк. М., 1995.

Сведения об авторе: **Лопатин Леонид Николаевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и психологии Кемеровской государственной медицинской академии. Автор более 10 книг (общим тиражом 136 тыс. 785 экз.) и около 200 статей и тезисов по проблемам истории 1920-30-х гг. (индустриализации и коллективизации), 1980-2000-х гг. (рабочего движения и реформ): 1. Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов. (Составитель Лопатин Л.Н.). – Кемерово, 1993. – 623 с. (10 тыс. экз.); 2. История рабочего движения Кузбасса (1989-1991 гг.) – Кемерово, 1995. – 303 с. (1600 экз.); 3. Путь от коммунизма... Как это было? – Кемерово, 1996. – 259 с., (2500 экз.); 4. Кузбассовцы при социализме. Как мы жили? – Кемерово, 1996. – 48 с. (40 тыс. экз.); 5. Кузбассовцы в годы реформ. – Кемерово, 1996. – 64 с., (1500 экз.); 6. Социализм глазами современника (в соавторстве с Лопатиной Н.Л.). Кемерово. 1996. (40 тыс экз.); 7. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., - 1998.- 617 с. (500 экз.); 8. Коллективизация как национальная катастрофа. Воспоминания её очевидцев и архивные документы» (в соавторстве с Лопатиной Н.Л.). – М., 2000. – 245 с. (электронное издание «Пушкинская библиотека» www.auditorium.ru/books/477/doc_15.htm); 9. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе (в соавторстве с Лопатиной Н.Л.). – М., 2003. – 103 с. (4 тыс. экз.); 10. Типичная история типичного российского рода (середина XIX – начало XXI вв.) – Кемерово, 2003. – 103 с. (120 экз.); 11. Жить во лжи. Советское образование, воспитание, политика и идеология в 55-летних наблюдениях школьника, студента, учителя, профессора// Голоса Сибири. №5 -8. - Кемерово, 2008., (165 экз.); 12. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). В соавторстве с Лопатиной Н.Л. – Кемерово, 2009. – 446 с. (400 экз.). 13. Находится в издательстве - Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989-90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения.). – Кемерово. – 227 с.